

ПУБЛІКАЦІЇ

Белецкий А.И.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

По поручению ЦК КПУ мною были рассмотрены книги, брошюры и статьи по антирелигиозной пропаганде, в общей сложности 18 книг, 41 брошюра и 62 газетные статьи. В ЦК КПУ мне было настоятельно предложено свои суждения о нашей антирелигиозной литературе высказать со всею определенностью и решительностью.

Должен сказать, что внимательное ознакомление с весьма многочисленной антирелигиозной литературой привело меня к следующим выводам:

1. Эта литература поражает прежде всего своей невероятной отсталостью. В ней можно найти множество положений, высказанных в науке 100-150 лет назад и после того давно уже решительно отвергнутых.

2. Во многих случаях дело обстоит еще гораздо хуже: здесь обнаруживаем массу грубейших извращений фактов и совершенно явных вымыслов.

3. Авторы многих антирелигиозных произведений обнаруживают потрясающее невежество, зачастую в самых элементарных вопросах. Последнее, впрочем, объясняется, в частности, тем, что среди бесчисленного множества людей, пишущих на антирелигиозные темы, нет ни одного не только выдающегося, но и просто рядового ученого.

Как я уже указывал, мною рассмотрено свыше 120 книг и статей атеистической пропаганды. Несмотря на такое обилие литературы, замечания, касающиеся ее, можно без труда свести к нескольким пунктам: ибо подавляющее большинство этих брошюр и статей добросовестно повторяют одна другую. Порой добросовестность эта бывает поистине поразительной.

Например, Гурьев текстуально повторяет Ярославского и Рожидина, который, в свою очередь, не остается в долгу, также буквально воспроизводя Ярославского. Подобных „заимствований“ в разных статьях и книгах обнаружено множество, хотя я и не задавался целью установить степень самобытности просмотренной литературы.

Основные замечания свои позволю себе сгруппировать следующим образом.

ВОСКРЕСАЛ ЛИ ХРИСТОС?

Это основной вопрос всей религии, всей философии, всех наук, касающихся воззрений человеческих, ибо воскреснуть мог только Бог. Следовательно, вопрос о воскресении – это вопрос о том, есть ли Бог. Не удивительно поэтому, что почти все произведения антирелигиозной литературы останавливаются (основываются) на вопросе о воскресении, и все они, как это каждому известно, отвечают на этот вопрос отрицательно. Они, вероятно, не представляют себе, что после некоторых важнейших открытий (о них речь впереди) факт воскресения Христа к концу своей жизни признал не кто иной, как Фридрих Энгельс. А именно, в предисловии к переизданию своих сочинений он пишет:

„Новейшие каппадокийские открытия обязывают изменить наш взгляд на некоторые немногие, но важнейшие события мировой истории, и то, что казалось ранее достойным внимания только мифологов, должно будет отныне привлечь и внимание историков. Новые документы, покоряющие скептиков своей убедительностью, говорят в пользу наибольшего из чудес в истории, о возвращении к жизни Того, Кто был лишен ее на Голгофе“.

Правда, эти строки Энгельса оставались неизвестными у нас еще и потому, что они ни разу не были переведены на русский язык в изданиях Маркса и Энгельса.

За каппадокийскими открытиями, убедившими даже Энгельса, последовал еще ряд открытий, причем не менее, а более важных. Об этом после. Сейчас вернемся к советской атеистической литературе.

Основанием для антирелигиозников, в частности, для отрицателей воскресения, служит, как они уверяют, отсутствие свидетельств о воскресении.

Как же в действительности обстоит дело? Действительно ли такие свидетельства отсутствуют? Один из наиболее часто выступающих авторов, некий Дулуман, заявляет: „В то время, когда, по учению церковников, должен был существовать на земле Христос, жило много ученых и писателей: Иосиф Флавий, Остин Тивериадский, Плексит, Сенека и др., – однако все они ни слова не говорят о Христе“.

Я привел цитату из Дулумана не потому, что считаю его наиболее авторитетным исследователем данного вопроса, а потому, что он буквально процитировал здесь некоего Кандидова, который, в свою очередь, переписал эти строки у Раковича, а тот опять-таки взял их у Шахновича, который буквально повторяет Ярославского, то есть это общее мнение наших атеистов. Правда, кое-где встречаются небольшие вариации: например, некто

Соколовский к перечисленным Дулуманом писателям добавил Либерия Сулия, а Рожицин и Тарноградский – Тацита и Баландия. Этот исчерпывается перечень древних авторов, которые, по утверждению наших атеистов, жили в тот период и ничего не написали о Христе. Так ли это?

Здесь соответствует истине только одно. О Христе действительно не писали ни Остин Тивериадский, ни Либерии Сулий, ни Баландий, но не писали по той причине, что этих „древних писателей“ (как их величает антирелигиозная литература) никогда не было в природе. Никакой Либерии Судий не существовал ни в древности, ни в позднейшие времена. Существовал Лаврентий Сурий, но и тот жил не во времена Христа, а ровно на десять столетий позже. Еще больший конфуз получился с „древним писателем“ Баландием. Он тоже не существовал, а был монах Боллан, но жил он позже Христа на тысячу пятьсот лет, поэтому не удивительно, что, описывая современные ему события, он мог и не касаться именно воскресения Христа. Равным образом вымышлен и Остин Тивериадский. В литературе известен Оссия Твердник, живший во времена палестинских событий, но это вовсе не писатель, а литературный персонаж, герой старинной византийской повести.

Итак, эти „древние писатели“ вряд ли могут приниматься в расчет. Но кроме них наши атеисты упоминают еще Иосифа Флавия, Плиния Старшего, Тацита. Они, как говорят атеисты, тоже не оставили никаких свидетельств о воскресении Иисуса Христа. Так ли это?

Начнем с Иосифа Флавия. Он, как известно, один из наиболее надежных исторических свидетелей. Карл Маркс говорил: „Достоверная история может писаться лишь на основе таких документов, как произведения Иосифа Флавия и равноценные им“.

Кроме того, Флавий во время своей жизни мог также быть в курсе событий, описанных в Евангелии. Наконец, Флавий не был последователем Христа, и потому нет оснований ожидать от него каких-либо преувеличений, выгодных христианам. Действительно ли Флавий ничего не говорит о воскресении Христа, как это утверждают атеисты?

Тем, кто это заявляет, следовало бы хоть раз в жизни, хотя бы мельком заглянуть в его отрывки сочинений, вышедшие всего три года назад в советском издании Академии наук СССР. Там черным по белому написано: „В это время выступил Иисус Христос, человек высокой мудрости, если только можно назвать Его человеком, совершитель чудесных дел; когда по доносу первенствующих у нас людей Пилат распял Его на кресте, поколебались те, которые впервые Его возлюбили. На третий день Он снова явился к ним живой“. Как же это вяжется с

заявлениями и заверениями, что Иосиф Флавий ни слова не упоминает о Христе?

Сделаем небольшую оговорку. Сто лет назад это свидетельство Флавия было взято под сомнение. Дело было в следующем: сначала было известно только два варианта рукописи Флавия. В одном из них слова „на третий день Он явился к ним живой“ были, а в другом отсутствовали. И на этом основании Б.Бауэр (1809-1882 г.), а затем и его последователи решили, что в первом варианте эти слова, вероятно, были позднее вписаны христианами. Так возникла легенда об интерполяции у Иосифа Флавия. Однако позднее были найдены еще три варианта, и эти позднейшие находки привели к совершенно иному выводу: расхождения между первым и вторым вариантами объясняются не позднейшей вставкой, впиской в первый вариант, а потерей части страниц во втором варианте, в котором оказались отсутствующими еще целые две главы, что и выяснилось из найденных позднее трех вариантов, в которых у Флавия строки о воскресении Иисуса Христа имеются во всех трех. Помимо этого, чрезвычайно важно еще одно обстоятельство. Мировой ученый Ю.Вельгаузен (Вельхаузен, совр. ред.) вместе с другим крупнейшим филологом Де Сессони привели еще одно неоспоримое доказательство, что строки Флавия написаны им самим, а не являлись позднейшими вставками христиан. Дело в том, что Иосиф Флавий писал очень своеобразным языком, с соблюдением всех особенностей, что подделать его невозможно. Но, конечно, окончательный удар сомнениям в подлинности его рукописи нанесла именно находка этих трех вариантов его произведений. Таким образом, оказалось, что все они содержат свидетельства о воскресении Иисуса Христа, что все они написаны одной и той же рукой – рукой самого Флавия, что первый найденный вариант рукописи, также свидетельствующий об этом, был самым старым из всех.

В настоящее время никто из ученых не повторяет домислов о вписках у Флавия. Так что тот, кто продолжает это делать, показывает, что он отстал лет на девяносто.

...Лабиритиос (Лабириниос) в момент воскресения Христа оказался со своими чиновниками недалеко от этого места (места погребения Христа). Ясно видевшие падение камня, закрывавшего гроб, подымающуюся над этим местом необыкновенно ярко сияющую фигуру, Лабиритиос вместе со своими спутниками и сторожами бросились сообщать об этом властям.

...Грек Гермидий (Гермизий), занимавший официальную должность биографа правителя Иудеи, писал также и биографию Пилата. Его сообщения заслуживают особого внимания по двум причинам. Во первых, они содержат чрезвычайно много надежных данных по истории Палестины и Рима и легли в основу истории Иудеи. Во-вторых, Гермидий резко выделяется своей манерой

изложения. Этот человек не способен поддаваться каким-либо впечатлениям, удивляться, увлекаться. По определению известного историка академика С. А. Жебелева, „он с беспристрастной точностью фотографического аппарат повествовал обо всем“. Показания Гермидия ценны еще и тем, что он тоже во время воскресения Христа находился вблизи того места, сопровождая одного из помощников Пилата. Важно добавить еще одно обстоятельство: Гермидий вначале был настроен против Христа и, как он сам говорил, уговаривал жену Пилата не удерживать мужа от смертного приговора Христу. До самого распятия он считал Христа обманщиком. Поэтому он по собственной инициативе отправился в ночь под воскресение ко гробу, надеясь убедиться в том, что Христос не воскреснет и тело Его навсегда останется в земле. Но вышло иначе.

„Приблизившись ко гробу и находясь в шагах ста пятидесяти от него, – пишет Гермидий, – мы видели в слабом свете ранней зари стражу у гроба: два человека сидели, остальные лежали на земле, было очень тихо. Мы шли очень медленно, и нас обогнала стража, шедшая ко гробу сменить ту, которая находилась там с вечера. Потом вдруг стало очень светло. Мы не могли понять, откуда этот свет. Но вскоре увидели, что он исходит из движущегося сверху сияющего облака. Оно опустилось ко гробу и над землей там показался человек, как бы весь светящийся. Затем раздался удар грома, но не на небе, а на земле. От этого удара стража в ужасе вскочила, а потом упала. В это время ко гробу справа от нас по тропинке шла женщина, она вдруг закричала: „Открылось! Открылось!“ И в это время нам стало видно, что действительно очень большой камень, приваленный ко входу в пещеру, как бы сам собою поднялся и открыл гроб (открыл вход в пещеру гроба). Мы очень испугались. Потом, некоторое время спустя, свет над гробом исчез, стало тихо. Как обыкновенно. Когда мы приблизились ко гробу, то оказалось, что там уже нет тела погребенного человека“.

Показания Гермидия интересны еще с одной стороны. Он пишет, что незадолго до казни Христа в Иудее должны были чеканить монету с большим изображением кесаря (Тиверия) с одной стороны и с маленьким изображением Пилата с другой стороны. В день суда над Христом, когда жена Пилата послала к нему людей, через которых убеждала мужа не выносить смертного приговора Христу (ибо она всю ночь во сне страдала из-за Него), она спрашивала его: „Чем ты искупишь свою вину, если осужденный тобой действительно Сын Божий, а не преступник?“, – Пилат ответил ей: „Если Он Сын Божий, то Он воскреснет, и тогда первое, что я сделаю, – будет запрещение чеканить мое изображение на монетах, пока я жив“. Нужно объяснить, что быть изображенным

на монетах считалось в Риме чрезвычайно высокой честью. Свое обещание Пилат выполнил. Когда было установлено, что Христос воскрес, Пилат действительно запретил изображать себя на монетах. Это сообщение Гермидия полностью подтверждается вещественными доказательствами. Из римской нумизматики известно, что в Иерусалиме в это время были изготовлены монеты с изображением кесаря с одной стороны и без изображения Пилата с другой (стали чеканить монеты только с изображением кесаря).

...Сириец Ейшу (Эйшу), известный врач, близкий к Пилату и лечивший его, ... относится к числу наиболее выдающихся людей своего времени. Видный медик и натуралист, пользовавшийся широчайшей известностью на Востоке, а потом и в Риме, он оставил произведения, которые составили целую эпоху в науке. Недаром историки науки, в том числе американский ученый Киггерист, считают, что Ейшу по праву занимает место как врач рядом с Гиппократом, Цельсом, Галеном, а как анатом – рядом с Леонардо да Винчи и Везалием (1514-1564 гг.); только малоизвестный язык, на котором он писал, помешал его признанию. Далее, важно то, при каких обстоятельствах Ейшу наблюдал описанное им. По поручению Пилата он с вечера накануне воскресения находился вблизи гроба вместе с пятью своими помощниками, которые всегда сопутствовали ему. Он же был свидетелем погребения Христа. В субботу он дважды осматривал гроб, а вечером по приказанию Пилата отправился сюда с помощниками и должен был провести здесь ночь. Зная о пророчествах относительно воскресения Христа, Ейшу и его помощники-медики интересовались этим и с точки зрения естествоиспытателей. Поэтому все, связанное с Христом и Его смертью, они тщательно исследовали. В ночь под воскресение они бодрствовали по очереди. С вечера его помощники легли спать, но задолго до воскресения проснулись и возобновили наблюдения за происходящим в природе. „Мы все – врачи, стража, – пишет Ейшу, – были здоровы, бодры, чувствовали себя так, как всегда. У нас не было никаких предчувствий. Мы совершенно не верили, что умерший может воскреснуть. Но Си действительно воскрес, и все мы видели это собственными глазами“. Далее следует описание воскресения... Вообще Ейшу был скептиком. В своих трудах он неизменно повторял выражение, которое потом благодаря ему вошло в пословицу на Востоке: „Чего я сам не видел, то считаю сказкой“.

Как видно из предыдущего, вопреки мнению антирелигиозников, свидетельств о воскресении Иисуса Христа много. Один из крупнейших в мире знатоков античности академик В.П.Бузескул (1858-1931 гг.) говорил: „Воскресение Христа подтверждено историческими и археологическими находками с

такой несомненностью, как и существование Иоанна Грозного и Петра Великого... Если отрицать воскресение Христа, то нужно отрицать (причем с гораздо большим основанием) существование Пилата, Юлия Цезаря, Нерона, Августа, Трояна, Марка Аврелия, русских князей Владимира и Ольги, Александра Невского, Ивана Калиты, Даниила Галицкого, Юрия Долгорукого и многих других“.

Это только небольшая часть источников, где говорится, что Христос действительно воскрес. Для краткости ограничимся лишь перечнем других источников (приводим здесь и далее в сокращении. – ред.): Епифаний Африкан, Евсевий Египетский, Сардоний Панидор, Ипполит Македонянин, Аммон Александрийский... Сабеллин Грек, Исаакий Иерусалимский... Константин (Констанций) Тирский и другие. Это только те, кто жили во время Христа, причем находились в Иерусалиме или в непосредственной близости от него и явились очевидцами самого воскресения или неопровержимых фактов, подтверждающих его...

Чрезвычайно показательно, что ряд свидетельств о воскресении мы находим и у еврейских авторов того времени, хотя вполне понятно, что евреи (не принявшие христианства) склонны всячески замалчивать факт воскресения. Среди еврейских писателей того времени, прямо говоривших о воскресении, находим таких надежных авторов, как Уриста Галилеянин, Ганон Месопотамский, Шербрум отец, Фернан (Ферман) из Сарепты, Манания врач, Навин Антиохий (Антиохийский), Маферкант.

С именем Маферканта связан анекдотический случай в нашей антирелигиозной литературе. Маферкант был одним из членов синедриона, казначеем. Именно из его рук Иуда получил за предательство тридцать сребреников. Но когда после воскресения Христа среди иудеев поднялась тревога, Маферкант был первым из членов синедриона, прибывшим на место для расследования. Он убедился, что воскресение совершилось. Ему пришлось быть у гроба Господня перед самым моментом воскресения: он прибыл сюда для оплаты стражи, стоявшей у гроба (наемная стража получала оплату, так сказать, сдельно, после несения каждого караула). Он видел, что гроб Христа надёжно охраняется. Выплатив деньги, он ушел, стража осталась до конца смены... Но не успел Маферкант далеко отойти, как раздался удар грома и громадный камень был отброшен неведомой силой. Возвратись назад ко гробу, Маферкант увидел издали исчезающее сияние над гробом. Все это им описано в сочинении „О правителях Палестины“, которое принадлежит к числу наиболее ценных и правдивых источников по истории Палестины.

По трудно объяснимым причинам неожиданно Маферкант профигурировал у Емельяна Ярославского (возглавлявшего союз безбожников, настоящее имя Губельман Миней Израилевич) в

следующем виде: „О воскресении Христа молчит даже такой падкий до сенсаций халтурщик, как Майферкант, называемой Марутой“. Нужна поистине величайшая изобретательность, чтобы в одном небольшом упоминании допустить столько смехотворных извращений.

Во-первых, Майферкант, вместо Маферканта, упоминаемый Ярославским, вовсе не писатель, а город в Сирии. Во-вторых, никакого „Майферканта, называемого Марутой“, никогда не было, а был Марута Мефосский, от названия города, в котором он жил, кстати, на пятьсот с лишним лет позднее евангельских событий. В-третьих, Марута не был халтурщиком, как квалифицировал его Ярославский, а одним из самых талантливых писателей своего времени, кого чрезвычайно высоко ценили Гете, Байрон, Гюго и другие. Его сочинение „Сирийское монисто“ было переведено на множество европейских языков, а в настоящее время оно переводится на русский (с английского) и выйдет в издании Госполитиздата. К счастью, работники этого издательства, по-видимому, не читали Ярославского. Вот так, живший в первом веке нашей эры еврей Маферкант был превращен нашими антирелигиозниками в сирийца, жившего на полтысячи лет позднее и при этом без вины объявлен халтурщиком.

В общей сложности, по подсчетам крупнейшего знатока римской исторической литературы академика И.В.Нетушила (1850-1928 гг.) число вполне надежных свидетельств о воскресении Христа превышает двести десять; по нашим подсчетам, это число еще больше – двести тридцать, ибо к данным Нетушила нужно добавить еще те исторические памятки, которые были обнаружены после выхода его работы.

Глубоко знаменателен тот факт, что антирелигиозники неизменно уклоняются от диспутов с серьезными учеными на тему о воскресении Иисуса Христа. В Ленинграде „союз безбожников“ не отважился на диспут с академиком Тарле, академиком Ростовцевым, академиком Кареевым, академиком Успенским и членами-корреспондентами Академии наук Егоровым и Готье, а в Одессе – с профессором Пархоменко.

У меня осталась в памяти одна картина. В 1920-х годах жил в Харькове известный во всем мире знаток исторической литературы, прославленный исследователь античности, член многих академий наук мира В.П. Бузескул. Он выступил почти с четырёхчасовой лекцией на тему „О воскресении“. Лекция предназначена была для ученых, но вход был свободный, и поэтому на лекцию явились все ведущие члены „союза безбожников“. Следует сказать, что сам Бузескул долго относился скептически к евангельским повествованиям. В своей лекции, о которой идет речь, академик перечислил до малейших подроб-

ностей все основания для сомнений. Надо было видеть, какое неотразимое впечатление произвели эти доводы на присутствовавших безбожников: чувствовалось, что они буквально „кипят“ и „рвутся в бой“. Но постепенно, обезоруживаемые все новыми и новыми доказательствами в пользу воскресения, они совсем притихли. Когда же лектор закончил, никто из них не вымолвил ни слова.

Конечно, воскресение Христово – основное, важнейшее событие, после которого все остальное в религии имеет как бы второстепенное значение. В самом деле, раз Христос воскрес, значит, Он Бог. В настоящее время для каждого сколько-нибудь сведущего историка факт воскресения неоспорим. Не только крупные, но и просто добросовестные историки не высказывают уже больше никакого сомнения по этому поводу.

Сомнения в воскресении были рассеяны, главным образом, из-за важнейших находок, которых было много. Первые еще относятся к девятнадцатому веку, а последние к нашим дням. Огромная важность последних находок (кумранских) так велика, что о них сообщалось даже в нашей печати, правда, лишь о некоторых составных частях. Это древнейшие еврейские тексты. Они буквально потрясли весь мир.

В высшей степени показательны, что среди наших антирелигиозников никогда не было не только крупного исследователя, но даже заурядного ученого. Кто, собственно, наши ведущие антирелигиозники? Губельман (под псевдонимом Ярославского);

Шнейдер (под псевдонимом Румянцева);

Фридман (под псевдонимом Кандидова);

Эдельштейн (под псевдонимом Захарова);

Эпштейн (под псевдонимом Яковлева), занимал пост заведующего отделом антирелигиозной литературы в центральном совете союза воинствующих безбожников;

Ракович, Шахнович, Скворцов-Степанов и другие активные руководители этого союза: Д.Михневич, М.Искинский, Ю.Коган, Г.Эйльдерман, Ф.Сайфи, А.Ракович, Ю. Ганф, М. Шейнман, М.Альтшулер, В.Дорфман, Ю.Вермель, К.Берковский, М.Персиц, С.Вольфзон, Д.Зильберберг, И.Гринберг, А.Шлитер. Что можно сказать о них?

На первое место обычно ставится Емельян Ярославский. Берём первый том второго издания его сочинений, посвященный антирелигиозной пропаганде. Пропускаем первые три страницы, посвященные его биографическим данным и не имеющие отношения к науке. На четвертой странице говорится, что Иисус Христос не мог родиться, потому что, по Евангелию, Он родился при Ироде, а между тем этот Ирод умер за пятьдесят лет до того. Ярославский смешал разных Иродов. Их было три.

На пятой странице говорится, что Библия представляет собой мешанину различных вымыслов, собранных у разных народов тех времен. В доказательство он ссылается на ходкое когда-то, но давно отвергнутое наукой мнение о „двух Библиях“, так как в первых главах Библии стоит имя Элогим, а в следующих Иегова. Тот, кто впервые обратил внимание на это расхождение, констатировал его не на основании изучения древнееврейского текста, а лишь по переводам с него. Но в других переводах, сделанных уже непосредственно с древнееврейского текст, это расхождение совершенно отсутствует. В древнееврейском тексте имена Элогим, Иегова всюду чередуются, встречаясь вперемешку, а не разделяются по разным участкам Библии. А главное – это синонимы, такие же, как в русском языке: Бог, Господь. И если в Евангелии в одном месте говорится Бог, а в другом Господь, то это вовсе не означает, что книгу писали два автора. Так во всех четырех Евангелиях.

Переходя к следующей странице Ярославского, читаем: „Все течет, все изменяется, говорили римляне“. В действительности это говорили греки (Гераклит).

На следующей странице написано: „Сестра Моисея Регина положила его...“ и так далее. К его сведению, Регина – это не сестра, а... корзина по-древнееврейски.

На следующей странице: „В еврейской книге “Каббала” сказано, что человек нарек имена животным“. В “Каббале” об этом не говорится ни слова. Это сказано в той самой Библии, знаток которой считается Ярославский.

На следующей странице: „Авестийский жрец Россонак...“. Здесь в трех словах уже три искажения. Во-первых, авестийских жрецов не могло быть, так как Авеста – иранская книга. Во-вторых, Россонак никогда не существовал, а был Россиона. И, в-третьих, он был не жрецом, а брамином, причем имел отношение не к Ирану, а к Индии.

На следующей странице: „Компаньон бога Ормазда – Ахриман“. Ахримана никак нельзя назвать „компаньоном“ Ормазда, наоборот, они выступают как непримиримые антиподы, противники. Словом, перечень ошибок Ярославского мог бы составить книгу приблизительно таких же размеров, как и сам том его сочинений, поэтому ограничимся приведенными примерами. В нашумевшей его книге „Библия для верующих и неверующих“ мы обнаруживаем сто девяносто семь ошибок, а он ведь был, так сказать, специалистом по атеизму.

Но, может быть, его последователи удачливее? Характеристика этих последователей для нас облегчается тем, что относительно многих из них мы можем привести отзывы, появившиеся в нашей печати, правда, по другому поводу.

Румянцев (Шнейдер) – „шарлатан, выдающий себя за ученого,

невежда, бесчестный во всех отношениях человек“. Так характеризовала его газета „Правда“. „Проходимец в науке, позволяющий себя именовать ученым, лгун и клеветник“, – писала о нем „Литературная газета“.

Кавдидов (Фридман) – „человек, именующий себя ученым работником, а на поверку оказывается неучем и мелким жуликом. Кандидовым у нас не место“, – сообщала газета „Правда“.

Захаров (Эдельштейн) – „... и этот субъект, представивший сумбурную кучу надерганных выписок, перемешанных со вздорными собственными вымыслами, претендовал на ученую степень“, – читаем в газете „Культура и жизнь“.

Ракович – „может показаться странным, что диссертация Раковича, стоявшая ниже всякой критики, была признана достойной ученой степени, но на деле ничего странного: ее судьи – это находящиеся в родстве и приятельских отношениях с ним“, – говорится в газете „Известия“.

Шахнович – „трудно серьезно отнестись к работе Шахновича, отмечающей у ее автора отсутствие самых элементарных сведений в избранной им отрасли“, – писала „Литературная газета“.

О Рожищине. Когда он представил свою диссертацию, то даже такой мягкий, благожелательный, но вместе с тем высокоавторитетный ученый, как академик Бузескул, посоветовал снять ее с защиты „во избежание полного провала“. Тогда Рожищин перенес защиту диссертации в Ленинград. Но крупнейшие историки Тарле, Кареев и Гревс также посоветовали ему забрать ее.

Уж не будем останавливаться подробно на перенасыщенных анекдотическими местами книгах наиболее современных антирелигиозных произведений Ленцмана и Шенкмава.

Несколько слов по поводу методов антирелигиозной литературы. Как легко можно видеть, факты часто оказываются против утверждений наших атеистов. Тем не менее атеисты продолжают выступать в том же духе и весьма плодovито. Каким же все-таки образом они находят выход из создавшегося положения? Вот, например, один путь: из различных высказываний того или иного лица выбирать именно те, которые наиболее для антирелигиозников приемлемы, хотя бы сам высказавший их давно и полностью отверг и осудил. Так случилось с Энгельсом, который под влиянием новых находок и открытий смог в своем сочинении признать факт воскресения Иисуса Христа, но это признание осталось непереуведенным на русский язык.

Еще хуже обстоит дело с другими учеными, на которых принято ссылаться. Ракович, Шахнович и Ленцман, да и другие атеисты тоже, любят делать ссылки на сочинения, которые написал известный немецкий историк-библеист Ю. Вельгаузен (1844-1918 гг.). Однако нигде не упоминается о позднейшем, причем самом

фундаментальном, свыше двух тысяч страниц, труде Вельгаузена „Иудаизм“, заключительная глава которого заканчивается словами: „Библия выдержала самую жестокую, самую придирчивую, более того, самую злобную критику и осталась навсегда памятником, достойным полного доверия“.

Вельгаузен – лишь один из примеров выборочного цитирования. Есть еще один путь, излюбленный антирелигиозниками: из цитаты выбирают только то, что их устраивает, обрезая цитату „по-живому“. Например, приводится цитата из сочинения знаменитого Брестеда: „Неудивительно, что возникло много серьезных оснований для сомнений в правдивости Библии“. Эту цитату Ракович оборвал на запятой, не желая привести дальнейшие слова Бресте, идущие непосредственно за цитируемыми. После запятой у Брестеда стоит: „...однако эти основания по мере накопления фактов отпали“. Перечень оборванных таким образом цитат мог бы составить целый том внушительных размеров.

Третий путь можно назвать, пользуясь одним выражением Горького, просто „бредовым.. путем“. Он заключается в нагромождении самых диких нелепостей. Например, не в одной, а в одиннадцати статьях я нашел утверждение, что попы уверяют, будто земля стоит на трёх китах, и научают этому в церкви. Интересно было бы увидеть хоть одного священника, верящего в подобные бессмыслицы. Беззаботность – это характерная черта наших антирелигиозников. Например, Колесников информирует читателя, что одним из опаснейших мракобесов, живущих ныне за рубежом, является митрополит Антоний Храповицкий, а немного спустя сообщает, что этот Храповицкий умер еще в первые годы эмиграции. Но в действительности он скончался 11 августа 1936 года. Некий Синько сделал замечательное открытие: он сообщает в журнале „Радянська литература“ об антирелигиозной сатире Жуковского. В действительности оказалось, что это произведение не Жуковского, а Гете, и ничего антирелигиозного в нем найти не удалось, да и к тому же это совсем не сатира. Но превзошел своих собратьев по смелости в измышлении некто Аверкиев. Силясь доказать, что христианские воззрения возникли из языческих представлений, он оперирует, между прочим, суевериями, связанными с числом тринадцать. Он пишет: „На почве языческих представлений о роковом числе тринадцать возникло и сказание об Иуде предателе, так как именно он был тринадцатым апостолом“. Несомненно, Аверкиев – это первый в мире человек, узнавший о тринадцати апостолах, вместо всем известных двенадцати. Но это „открытие“ уже вошло в „железный фонд“ антирелигиозной литературы. Это измышление охотно печатно повторили Павликин, Туров, Быковский и другие.

Вообще при ознакомлении с нашей антирелигиозной литературой все настойчивее возникает вопрос: какого мнения о своих читателях придерживаются эти авторы? По-видимому, они убеждены, что их читатели лишены возможности и желания читать еще что-либо, кроме антирелигиозной литературы.

Например, статья Гришина в журнале „Наука и жизнь“. Он пишет, а редакция пропускает это в печать, что Библия ошибочно повествует о пребывании евреев в Египте, это, по мнению Гришина, явный абсурд. К сведению Гришина, а главное – редакции всесоюзного журнала, очевидно, претендующего на авторитетность, могу сообщить, что пребывание евреев в Египте вполне достоверно. Об этом историческом факте можно узнать из всех авторитетных исследований как по истории Египта, так и по истории Иудеи. Об этом также говорят памятники Древнего Египта. Например (Сухапет): „В плену у нас столько израильтян, сколько песчинок на берегу Нила“. И еще: „Ушли из нашего плена израильтяне“. А в эпитафии египтянину Сэф сказано: „Ты гнался за народом иудейским, уходящим под предводительством Моисея из нашего плена“. И это лишь небольшая часть свидетельств подобного рода.

Примітки:

Белецкий Александр Иванович (1884, Казань – 1961, Киев) – известный русский филолог, академик АН УССР (1939) и АН СССР (1956), долгое время был директором Института литературы имени Шевченко в Киеве. Первая крупная его работа: „Легенда о докторе Фаусте в связи с историей демонологий“ (1909), затем многочисленные труды по истории русской, античной, западноевропейской литературы. В настоящей статье (печатается по рукописи, опубликованной в „Русском Вестнике“, № 11, 1993) использованы работы одного из авторитетнейших специалистов по истории Рима Нетушила Ивана Вячеславича (1850-1928), профессора Харьковского университета и члена-корреспондента Российской академии наук (1910), в том числе его работа „История римской религии“ (1919), оставшаяся в рукописи, но известная специалистам (на нее ссылаются также академик В.Бузескул).

Протоерей Стефан Лешевский „Библия и наука“: СПб. – М., 1998. – С. 266-288.